

О паломническом комплексе во имя мученика Климента Римского в округе византийского Херсона

Сорочан С. Б.

Сорочан С. Про прочанський комплекс в ім'я мученика Климента Римського в окрузі візантійського Херсона. В статті розглядається історія перетворення високошановного прочанами мученика св. муч. Климента Римського на храмовий прочанський центр, також уперше виокремлюються три основних будівельних періоди його існування на острові в Козачій бухті на відстані 10 км від Кримського Херсону. Підкреслюється співпадіння агіографічних даних та дійсного розташування комплексу удалині від доріг, в майже глухому місці, проте його занепад в епоху іконоборства треба пояснювати не тільки внутрішніми політичними, ідеологічними причинами, але й зовнішньополітичними обставинами, а також екологічними чинниками, пов'язаними зі змінами клімату та рівня моря.

Ключові слова: Візантія, Климент, паломництво, мученик, Кримський Херсон.

Сорочан С. О паломническом комплексе во имя мученика Климента Римского в округе византийского Херсона. В статье рассматривается история превращения почитаемого паломниками мученика св. муч. Климента Римского в комплекс для монашествующих и паломников на острове в Казачьей бухте на расстоянии 10 километров от Херсона. Впервые выделяются три строительных периода этого комплекса. Подчеркивается совпадение данных агіографіи и реального размещения комплекса вдаль от дорог, в бесплодном месте. Упадок этого сакрального места в эпоху иконоборчества объясняется не только внутренними и внешними причинами, но и изменением экологии, климата и уровня моря.

Ключевые слова: Византия, Климент, паломничество, мученик, Крымский Херсон.

Sorochan S. About a complex for pilgrims in a name of martyr Clemens Roman near the Byzantian Cherson. In the article is considered the history of transformation esteemed of pilgrims martyrrium of Sacred martyr Clemens Roman in a complex for the monks and pilgrims on an island in Kazachja bay on distance of 10 kilometers from Crimean Cherson. Three building periods of this complex are allocated. Is emphasized the concurrence given Lives of Saints and real accommodation of a complex far from roads, in the not populated place. The decline of this sacred place in epoch of iconoclasm is explained not only internal and external reasons, but also change of ecology, climate and sea level.

Key words: Byzantium, Clemens, pilgrimage, martyrrium, Crimean Cherson.

Среди христианских сакральных памятников византийского Херсона в прямом смысле особняком, в 10 км к западу от города, на окраине Гераклеяского полуострова находились следы одного из них, к сожалению, в настоящее время исчезнувшего. Небольшой загородный христианский паломнический комплекс с храмом был построен на островке, который узким, возможно, насыпным перешейком сообщался с берегом оконечности Казачьей бухты, четвертой к западу от Херсона, и соседствовал со сравнительно небольшим Маячным полуостровом. Похоже, что к VI в. н.э. здесь не было ничего, кроме развалин древнего укрепления, остатков античных сельских усадеб и межевой системы [36, с. 10-38; 37, с. 8-41; 13, с. 97-120; 14, с. 54-56, 70-71, рис. 40, 62, 66]. Чтобы попасть сюда из города надо было потратить не менее двух часов ходьбы либо около часа плыть морем. Само расположение церковного памятника в столь необычном, казалось бы забытом, заброшенном месте указывало на его связь с некой важной христианской реликвией, хранившейся здесь с определенных времен. Но если в отношении ее исследователи уже давно высказали свои соображения, пользуясь, по выражению Патрика Сен-Рока, надежным «топографическим ключом» [46], донесенным агиографией, то время строительства комплекса, количество строительных периодов, основания для датировки, история развития памятника, уточнение его характера в раннесредневековую эпоху остаются в числе научных задач византийской и церковной археологии. Сочетание топографического, архитектурно-археологического и историко-археологического методов исследования, как кажется, позволяет их решить или по крайней мере продвинувшись по этому пути.

Наиболее раннее описание обнаруженного дал Петр-Симон Паллас, посетивший Маячный полуостров в 1793–1794 гг. «Первое, что бросается в глаза, когда вступаешь на этот маленький полуостров, – писал российский академик, – есть островок, соединенный с землей болотистым перешейком, в вершине длиннейшего залива бухты... Я не могу отказать себе в сообщении плана этого укрепления, состоявшего из больших сооружений, из которых целы только нижние... Самый островок «а» имеет сухой грунт, возвышенный над морем; перешеек же «б», соединяющий его с материком, – низмен и заливается волнами, когда ветер дует в бухту (то есть с севера – С. С.). Эта плотина (может быть искусственная) также была укреплена стенами, из которых одна еще очень видна и присоединяется к твердой земле четырехугольной башней «в». Самое сильное укрепление находится однако на острове и состоит не только из каменных стен, но и башень, основания которых еще видны: одно из этих оснований у ворот, три на восточной стороне, – все четырехугольные, – и одно на юго-западном углу «г». На последнем, кажется, стояла круглая башня, которая теперь представляет одну груды мусора. От этого самого угла шла стена вплоть до моря» [45, S. 24, Abb.2;

S. 67-69; 17, с. 102-103]. Таким образом, из этого ценного наброска следует, что загадочное сооружение на острове примыкало к древней, оставшейся от античной эпохи крепостной ограде из двух параллельных стен, представляло собой, судя по описанию замкнутого комплекса с «башнями», остатки одной из типовых античных укрепленных загородных сельских усадеб и эти следы были достаточно заметны даже без раскопок. Через 26 лет уже ничего не смог разглядеть высокообразованный путешественник И. М. Муравьев-Апостол, который лишь отметил небольшое пространство острова протяженностью около 50 м («не более 12 сажений во все стороны») и «руды камней, доказывающих, что тут некогда было строение» [12, с. 76-77]. Раскопки поручика Карла (Николая) Крузе, плантора Черноморского департамента Корпуса корабельных инженеров, впервые проведенные на островке в 1832–1833 гг. по поручению обер-интенданта Черноморского флота Н. Д. Критского, не дали результатов, во всяком случае с точки зрения их руководителя, который констатировал, что «важного» ничего не нашел [28, с. 514].

Еще через десять лет археолог-любитель, тогда капитан I-го ранга З. А. Аркас, оставивший одно из первых описаний древностей Гераклейского полуострова, уточнил, что окружность этого острова 60 сажений (около 128 м, 1304 м² – 0,13 га) и он соединен с берегом насыпью, простирающейся не более 3 сажений (около 6,5 м): «Берег его местами наравне с водой», а также сделал очень важное наблюдение, о том, что остатки фундамента сложены на «аменте», то есть на цемянковом растворе [3, с. 20]. Уже одна эта черта указывала на строительное дело Херсона никак не раньше позднеримской или даже ранневизантийской эпохи.

Лейтенант Черноморского флота, князь Виктор Барятинский, другой известный археолог-любитель, раскопал в 1845 г. юго-восточную часть островка, нашел остатки девяти средневековых помещений и маленькой церкви, причем в одном из помещений оказалась могила с четырьмя костями, накрытая каменной плитой в 1,4 аршина длины и ширины (0,9 х 0,9 м) с вырезанными по обеим сторонам по одному кресту и медная монета «е якорем» («р»), то есть вв. XI–XIII вв. [1, с. 140]*. В углу, около церковного алтаря находилась большая мраморная плита с рельефным крестом и маленькой круглой дырой почти в центре. Но она, как оказалось, закрывала не ожидаемую гробницу, а емкость – фреар с чистой пресной водой, что заставляет вспомнить

* К. К. Косцюшко-Валожинич, упомянувший об этих находках князя, назвал монету с «р» «византийской монетой Романа I» [16, с.36], что заставляет неуверенностью отнестись к тем случаям, когда он ссылается на обнаружение таких монет при раскопках городища и некрополя. На деле «монеты Романа I», по крайней мере их часть, могли быть гораздо более позднего времени [ср.: 26, с.210-222].

представлявшееся исключительно легендарным свидетельство –Мучения св. Климента” о чудесах исцеления паломников от “тяжких болезней” посредством питья воды и окропления ею, то есть о наличии на месте мемория агисмы [33, с. 158, 159].

Результаты этих исследований нашли отражение в письме швейцарского путешественника де Бро в Одесское общество любителей истории и древностей (май 1847 г), в котором он упомянул, что на земле, принадлежавшей К. Крузе, к тому времени уже инженеру в отставке, В. И. Барятинским были открыты куски мрамора, стены, которые были приняты за остатки укрепления и церкви [28, с. 521].

Доследования островка, проведенные более чем через 40 лет, в 1890 г., привели К. К. Косцюшко-Валюжинича и А. Л. Бертье-Делагарда к мысли, что он был насыпан одновременно с постройкой античной крепостной системы из двух линий оборонительных стен с башнями на перешейке Маячного полуострова и на нем помещалась выложенная из крупных плит крайняя квадратная башня восточной стены укрепления V – IV вв. до н. э., известного среди специалистов как “Старый (древний)” или “Страбонов Херсонес”. Затем здесь в “византийскую эпоху” был сооружен “христианский храмик или вернее монастырек”, а древние стены при этом оказались разрушены или, скорее, приспособлены для других целей [16, с. 36-37; 9, с. 59; 4, с. 58-63].

Собственно сакральный и, как теперь становится ясно, паломнический архитектурный комплекс площадью более 480 м² (21,7 x 22,2 м) имел с восточной стороны вход, ведущий во внутренний двор, окруженный группой небольших зданий с помещениями для немногочисленных служителей, вероятно, из числа монахов одного из херсонских монастырей, и крохотной церквушкой (templum) с верхним ярусом и нижним, подземным, в котором была устроена упоминаемая в нарративных источниках гробница (arca, archa)*. По убедительному предположению, высказанному А. Л. Бертье-Делагардом и подкрепленному скрупулезными источниковедческими исследованиями Д. В. Айналова, в ней хранились мощи св. муч. Климента Римского, с помощью Константина Философа открытые на этом островке (ad insulam, “благженном отоке”) 30 января (3 февраля по григорианскому календарю) 861 г. и перенесенные в город [47, р. 142-147, § 3; 22, с. 127-130, гл. 3-10; 23, с. 312-314; 38, с. 5-7 (латин. текст), 9-11 (пер.), §2-3; см.: 16, с. 36-37; 4, с. 58-64; 1, с. 139; 11, с. 105-114; 2, с. 69-76]. Эту точку зрения разделяют современные исследователи, в том числе наиболее крупные специалисты – клементоведы, Амвросий Эссер и Иоганн Хофманн [41, S. 141-146; 42, S. 62 s.; 25, с. 661-663; 10, с. 2-14; 20, с. 110-124; 21, с. 316-324, 377].

* В отличие от большинства других исследователей, проф. Д. В. Айналов полагал, что на островке был не “монастырек”, а особое сакральное место, при котором жили монашествующие [1, с. 139].

Описание сооружений сохранилось в агиографическом сочинении епископа Херсонского Ефрема (по рукописи XII в.), где храм назван «святым памятником» (tes tou agiou mnemes). Речь идет о помещении, комнате в виде мраморного наоса и лежавших в каменном гробу мощах (en schemati naou marmarinou oikema kai autothi en soro lithine) [34, с. 137]. Существует предположение, впервые высказанное В. Г. Пуцко и поддержанное некоторыми исследователями, что этот —каменный гроб» имел вид украшенного резными крестами саркофага константинопольского типа и в 989 г. вместе с мощами св. Климента и св. Фива, ученика Климента, был вывезен князем Владимиром из Херсона в Киев, после чего через 65 лет послужил саркофагом для князя Ярослава Владимировича (1019-1054), будучи установлен в киевской церкви Св. Софии [18, с. 301 сл.; ср.: 43, S. 129-135; 44, p. 136-137, fig. 16]. Во всяком случае, очень похожий гроб-реликварий был изображен на миниатюре из синаксаря в Минологии Василия II второй четверти XI в. в сцене чудесного обретения мощей в Херсоне Константином Философом и Мефодием [40, p. 51-73; 42, S. 56, Abb.2; 44, p. 128, fig. 2].

Войдя в храм верных (naos), посетители направлялись к «святой гробнице» (tou agiou lamaki), к которой, как следует из результатов раскопок, вел особый узкий ход, поддерживаемый аркадами, и затем тем же путем выходили обратно [34, с. 139]. Уже одно это обстоятельство позволяет видеть во всем ансамбле типичный пример —«плочической архитектуры», как известно, сформировавшейся в эпоху Юстиниана, и подозревать, что по крайней мере часть помещений предназначалась не только для монашествующих, число которых едва ли превышало несколько человек, но и для приема странников, приходивших в одиночку или небольшими группами [подр. см.: 39 (особенно выступление Р. Краутхаймера о массовых паломничествах «маленьких людей» и доклад Б. Бренка о местах культа и их посетителях)]. Сама планировка строения, как удачно заметила А. Б. Буйских, подсказывает, что за ее основу были взяты остатки существовавшей здесь стандартной античной, квадратной в плане большой усадьбы с внутренним двором и расположенными по периметру помещениями [5, с. 140, рис. 55, 1-2]. Полы в них были каменными, залитые цемянкой, а в святилище, алтарной части гробничной церкви выложены небольшими мраморными квадратными плитками. К слову, многочисленные обломки мраморного интерьера, фрагменты колонн, плит (античного облика и с крестами), множество

* В своем фундаментальном агиологическом исследовании И. Я. Франко относил составление сочинения епископа Ефрема «во времени упадка литературного вкуса, в VIII или IX века», и полагал, что оно, несомненно, уже существовало к началу X в., но самого Ефрема не считал херсонитом, указывая на «полное отсутствие местного колорита» в рассказе [32, с. 173, 176-178].

мелких мраморных осколков наводят на мысль, почему через все источники, составленные в IX – X вв. и позже, настойчиво проходит мотив «мраморного храма» (*marmoreo templo*, «мраморяна храмина»), вероятно, имевший не только легендарную основу, как полагал И. Я. Франко [31, с. 139-142].

Двор священного места и пол крипты с каменным саркофагом-реликварием (*en sogo lithine*) находились почти на уровне моря и покрывались водой при больших ее нагонах [4, с.63]. Лишь при сильном южном ветре островок превращался в полуостров [9, с. 60]. В Госархиве г. Севастополя, в архивном фонде Херсонесского монастыря хранится документ от 2 июля 1910 г., в котором Управление Херсонесского первоклассного Св. Владимира монастыря сообщает в Таврическую Духовную консисторию, что не решается начинать дело о приобретении у отставного адмирала, помещика М. Я. Баля островка в Казачьей бухте, связанного с преданием о том, что здесь хранились св. мощи муч. Климента Римского: «остатки стен бывших там зданий лежат почти на одном уровне с поверхностью окружающей бухты, а нижние основания – ниже поверхности воды» [24, с. 3]. Значит, пойти на постройку, точнее, на кардинальное обновление прежней усадебной постройки, и устройство в ней церкви-мартирия в столь неудобном месте херсонитов могла заставить только память о произошедшем здесь легендарном событии, прославляющем величие, всесилие и славу Бога, и проистекающая из этого церковная традиция, которую они продолжали свято соблюдать вплоть до гибели города. Вместе с мощами святого мученика все это заслуживало особого поклонения как паломнический мартирий двойного значения, в некотором роде сравнимый с прославленным иерусалимским Храмом Гроба Господня.

Характер кладки стен и их направление ясно доказывают одновременность некоторых построек: достаточно указать на помещения гробничного храма, первоначальные очертания которого совершенно исказили позднейшие стенки [15, л. 28, 42, 44]. Но в целом, планировка паломнического комплекса, унаследованная в своей основе от бывшей античной усадьбы, осталась неизменной. Наиболее ранними на месте раскопок оказались три бронзовые херсоно-византийские монеты Василия I, Романа I и Романа II (если не считать четырех римских монет V в. – Констанция III, Льва I и еще двух неопределенных, которые, как правило, очень долго находились в обращении) [16, с. 37]. Поэтому они могут свидетельствовать в пользу того, что постройка на фундаментах античной усадьбы нового жилого комплекса с храмом – мартирием, по преданию конца IX – X вв., первоначально «...воздвигнутого руками ангелов» (*angelicus manibus praeparato*), состоялась, скорее всего, вскоре после обретения мощей, как и предполагал А. Л. Бертъе-Делагард [16, с. 36-37; 4, с. 60-61]. Некоторые рукописи VIII в. с текстом сочинения диакона Феодосия «*De situ Terrae Sanctae*» (первая треть VI в.) сообщают, что херсониты,

—арод и священники” (populus et sacerdotes), приезжавшие из города в судах (in bargas), поначалу устраивали на месте чествования памяти св. Климента, рядом с его гробницей (arca) временный алтарь и раскидывали легкие навесы (tendantur super se papiliones et ponitur altare), и, значит, стационарный паломнический комплекс появился не сразу [29, с. II-III, 5, 17-18, § 54; о датировке этого раздела сочинения см.: 27, с. 93-94]. Другими словами, здесь поначалу не было фундаментальной двухъярусной церкви и каких-либо жилых построек. Им могли предшествовать только развалины давней античной усадьбы и место легендарной гробницы. В таком случае мы имеем дело с тремя основными строительными периодами – античным, связанным с временем существования большой усадьбы; ранневизантийским, когда здесь в лучшем случае существовала небольшая мемориальная постройка с гробницей (arca) (ее остатки в виде невысокого холма – *in aservo*” открыла благочестивая экспедиция на остров во главе с Херсонским архиепископом Георгием 30 января 861 г.), и конца IX в., когда на ее месте после довольно длительного запустения, наступившего с конца VIII – начала IX вв. ввиду обострения внешней и внутренней политической ситуации в Таврике, на развалинах фундаментов обнаруженной здесь херсонитами большой античной усадьбы с внутренним двором был отстроен архитектурный сакральный и жилой ансамбль площадью не менее 480 м² с небольшим храмом (templum) для монашествующих и паломников, который в плане представлял собой замкнутый по периметру квадрат с глухими стенами, прорезанными сбоку единственным входом.

Не исключено также, что в предшествующем запустении памятного места сыграл свою роль и экологический фактор: постепенное поднятие к IX в. уровня Черного моря приблизительно на метр – полтора выше современного (mare quippe fluctus suos ad nonnullos retractos spatia in proprios sinus collegerat, mare fluctus suos in pristinas stationes refuderat – море собрало волны в свои бухты” – вторили друг другу Анастасий библиотекарь и агиограф Итальянской легенды), после чего к X в. последовало резкое понижение даже ниже современной отметки [см.: 6, с. 62-63, рис. 5]. Это совпало со снижением увлажненности, засушливостью, теплотой климата, отмечаемыми исследователями [35, с. 205; 30, с. 154; 19, с. 7-14; 8, с. 31; 7, с. 45], что и позволило развернуть на низменном островке строительство более основательного сакрального комплекса с прославленным мартирием, с двухъярусной церковью и целебным фреаром. Безусловно, часть мощей Климента находилась здесь не только до переноса их в Херсон в 861 г., но и была положена после переноса. Учитывая удаленность сакрального центра от города, мотивация паломничества сюда могла быть связана исключительно с поклонением святыне, а не с попутным путешествием по своим делам [ср.: 39, p.1-9]. Уединенность места не оставляла иного выбора ни богатым, ни простым странникам.

Примечания

1. *Айналов Д. В.* Развалины храмов / Д. В. Айналов // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып. 1.
2. *Айналов Д. В.* Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе / Д. В. Айналов // Древности. Труды Московского археологического общества. – 1916. – Т. 25.
3. *Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса / З. Аркас. – Николаев, 1879.
4. *Бертье-Делагард А. Л.* Древности южной России. Раскопки Херсонеса / А. Л. Бертье-Делагард // МАР. – СПб., 1893. – № 12.
5. *Буйских А. В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху / А. В. Буйских // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. – Supplementum. – Вып. 5.
6. *Золотарев М. И.* Портовые сооружения Херсонеса Таврического в Карантинной бухте / М. И. Золотарев // Х. сб. – 2004. – Вып. 13.
7. *Кислов А. В.* О временной упорядоченности колебаний климата разных масштабов / А. В. Кислов, Б. В. Полтараус // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М., 1989.
8. *Климанов В. А.* Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний климата в голоцене / В. А. Климанов // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М., 1989.
9. *Косцюшко-Валюжинич К.* Важное археологическое открытие в Крыму / К. Косцюшко-Валюжинич // ИТУАК. – 1891. – № 13.
10. *Крестный путь святого Климента: Рим – Херсонес* / Сост. Т. Яшаева, М. Мотовилина. – Севастополь, 2001.
11. *Маркевич А. И.* Островок в Казачьей бухте как предполагаемое место кончины св. Климента / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1909. – Т. 43.
12. *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году / И. М. Муравьев-Апостол. – СПб., 1823.
13. *Николаенко Г. М.* Херсонес Таврический и его хора / Г. М. Николаенко // ВДИ. – 1999. – № 2.
14. *Николаенко Г. М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV – III вв. до н.э. / Г. М. Николаенко. – Симферополь, 1999. – Ч. 1.
15. *Отчет о раскопках в Херсонесе (главная площадь, «базилика в базилике», у западных стен, на северном берегу, за южной оборонительной стеной, в Стрелецкой и Казачьей бухте).* 1888–1890 годы // Архив НЗХТ. – Д. № 1.
16. *Производство археологических раскопок в Херсонесе* // ОАК за 1890 год. – СПб., 1893.
17. *Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах* [Пер. с нем (первая половина)] // ЗООИД. – 1881. – Т. 12.

18. Пуцко В. Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого / В. Пуцко // ВВІ. – 1986. – Т. 8.
19. Раунер Ю. Л. Динамика экстремумов увлажнений за исторический период / Ю. Л. Раунер // Известия АН СССР. Сер. географическая. – 1986. – №3.
20. Романчук А. И. Агиографические и археологические свидетельства о топографии Херсона (Херсонеса) / А. И. Романчук // Мир Православия. – Волгоград, 2004. – Вып. 5.
21. Романчук А. И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Ч. 2: Византийский город / А. И. Романчук. – Екатеринбург, 2007.
22. Слово на перенесение мощей преславного Климента // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып. 2.
23. Слово на перенесение мощей Климента Римского: Пер. И. Калиганова // Родник златошвейный. Памятники болгарской литературы IX – XVIII веков. – М., 1990.
24. Сомов Л. Камни ... преткновения? / Л. Сомов // Слава Севастополя. – 2001. – 1 декабря (№ 225).
25. Сорочан С. Б. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Харьков, 2000.
26. Сорочан С. Б. Последний монастырский храм с баптистерием в поздневизантийском Херсоне / С. Б. Сорочан // Вісник ХНУ ім. В. Н. Каразіна. – 2004. – №633. – Історія. – Вип. 36.
27. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г. Ю. Ивакин / С. Б. Сорочан. – Харьков, 2005. – Ч. 1.
28. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И. В. Тункина. – СПб., 2002.
29. Феодосий. О местоположении Святой Земли начала VI века / По рецензии Гильдмейстера издал, перевел и объяснил И. Помяловский // ППС. – СПб., 1891. – Т. 10. – Вып. 1.
30. Федоров П. В. Последниковая трансгрессия Черного моря и проблемы изменения уровней океана за последние 15 тыс. лет / П. В. Федоров // Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет. – М., 1982.
31. Франко І. Святий Климент у Корсуні / І. Франко // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1902. – Т. 48. – Кн. 4.
32. Франко І. Святий Климент у Корсуні / І. Франко // Записки наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1903. – Т. 56. – Кн. 6.
33. Херсонские святители: Мучение св. Климента. Греческий текст с рус. пер. Ф. Терновского // ЗООИД. – 1877. – Т. 10.
34. Херсонские святители. Святого священномученика Ефрема, епископа Херсонского, сказание о совершившемся над отроком

- чуде священномученика и апостола Климента. Греч. текст рукописи XII в. с рус. пер. Зикфоса // ЗООИД. – 1875. – Т. 9.
35. *Шварубах М.* Климаты прошлого: Введение в палеоклиматологию / М. Шварубах. – М., 1955.
 36. *Щеглов А. Н.* Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) / А. Н. Щеглов // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993.
 37. *Щеглов А. Н.* «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация / А. Н. Щеглов // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994.
 38. *Ягич И. В.* Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина Философа, первоучителя славян, св. Кирилла / И. В. Ягич // Записки имп. АН. – СПб., 1893. – Т. 72. – Кн.1. – Прил.6.
 39. Akten des XII internationalen Kongresses für christliche Archäologie. Bonn, 22.-28. September 1991. – Citta del Vaticano; Мьнster, 1995. – Bd.1-2.
 40. *Dujcev I.* Une miniature byzantine meconnue avec les images de Cyrille et Methode? / I. Dujcev // Byz. – 1966. – Vol.36.
 41. *Esser A.* Wo fand der Hl. Konstantin-Kyrill die Gebeine des Hl. Clemens von Rom / A. Esser // Cyrillo-Methodiana. – Kln, 1964.
 42. *Hofmann J.* Unser heiliger Vater Klemens / J. Hofmann. – Trier, 1992.
 43. *Jastrzebowska E.* Der Sarkophag des Jaroslav in Kiev / E. Jastrzebowska // Akten des Symposiums «Frühchristliche Sarkophage», Marburg, 30.6 – 4.7. 1999. – Mainz, 2002.
 44. *Jastrzebowska E.* Il culto di S. Clemente a Chersoneso alla luce della ricerca archeologica / E. Jastrzebowska // Studi su Clemento Romano. – Roma, 2003.
 45. *Pallas P. -S.* Bemerkungen auf einer Reise in die sьdlichen Statthaltschaften des russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794 / P. -S. Pallas. – Leipzig, 1801. – Bd.2.
 46. *Saint-Rock P.* Le cimetiєre de Basileus ou coemeterium sanctorum Marci et Marcelliana Damascque / P. Saint-Rock. – Citta del Vaticano, 1999 (Roma Sottterranea Cristiana, XII).
 47. *Vita cum Translatione S. Clementis* // Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып.2.